

ОНО Внутри: Кровать

Конюшенко Егор

18+

Егор Конюшенко

ОНО Внутри: Кровать

<https://litres.ru/74038734>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оставленный родителями, которые уже давно предали его тишине и запертым шторам, Данил живёт по законам осадного положения: не высовываться, не шуметь, не заглядывать под кровать. Но однажды он всё-таки светит фонариком в темноту — и темнота отвечает взглядом. С этого момента квартира превращается в поле боя, где детские страхи обрастают когтями и дыханием из сырого подвала. Что страшнее — чудовище под половицами или мир, в котором никто не придёт на помощь?

Содержание

Рассказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

ОНО Внутри: Кровать

Рассказ

За спиной лязгнул замок, отрезав лестничный холод. Данил прижался лбом к крашеному металлу и прикрыл глаза, считая удары сердца. Раз, два, три... Тишина квартиры обрушилась на плечи бетонной плитой.

Родители ушли. На день, на неделю — он не знал. Мать буркнула про макароны, не обернувшись, и от её сиплого голоса веяло пустотой. Отец молча вывалился за порог, оставив кислый запах пота и табака.

Сколько они будут «на выходных»? Пока не кончатся деньги? Пока не кончится водка? Данил давно не строил иллюзий.

Он отлип от двери и пошёл по привычному маршруту. С детства усвоенная привычка: обход территории. Кухня — конфорки выключены. Комната родителей — окно заперто, шторы задёрнуты наглухо. Соседи не должны знать, что ребёнок снова один. В гостиной он замер у балкона. Внизу, на сером асфальте, орали пацаны. Рыжий, в закатанных джинсах, звонко рассмеялся, и этот звук царапнул Данила изнутри. Он отпрянул в тень.

Не высовывайся.

Обычные дети. У них есть родители, которые звонят в по-

лицию, если синяк слишком заметен. У него — только эта квартира-склеп и приказ не выходить. Домашнее обучение, мать его. Два года без школы, без улицы, без голосов, кроме тех, что орут на кухне.

Данил запер балкон и пошёл к себе. Сердце кольнуло, когда взгляд упал на кровать. Под ней было темно. Всегда темно. Он быстро отвёл глаза. Не сейчас. День — это безопасное время.

На ужин были макароны с тушёнкой. Тушёнка отдавала железом, макароны слиплись в серый ком, но Данил ел механически, глядя в запотевшее окно, за которым сумерки превращали двор в размытое месиво. Радио на подоконнике шипело помехами; чей-то далёкий голос обещал на завтра дождь. Данил выключил приёмник, и тишина стала звенящей.

Пора было готовиться.

Сначала — баррикада. Старый венский стул, с торчащим поролоном, он вклинил спинкой под дверную ручку. Подёргал. Дверь скрипнула, но не поддалась. Хорошо. Следующий слой обороны — мука. Встав на колени, Данил аккуратно, словно проводя ритуал, очертил кровать ровной белой линией. Теперь ни одна тварь не подберётся незамеченной.

Фонарик он сунул под подушку — тяжёлый, с тугой резиновой кнопкой. Последним штрихом стал кухонный нож на

полу у изголовья. Длинное лезвие тускло блеснуло в свете одинокой лампочки.

Данил лёг, не выключая свет. Сетка прогнулась с привычным скрипом. Он смотрел в потолок, на плафон-тюльпан, полный дохлых мошек, и слушал, как в стенах гудит вода в трубах. Или не вода? Он приказал себе не думать. Нужно просто уснуть.

Сон утянул его в чёрную, вязкую пустоту.

Проснулся он от скрежета.

Тихий, ритмичный звук. Словно кто-то медленно водил ногтем по дереву. Вжж-вжж-вжж. Пауза. Вжж-вжж-вжж.

Звук шёл снизу.

Глаза Данила распахнулись. Свет не горел — то ли перегорела лампочка, то ли её выключили. Он лежал, парализованный, и чувствовал, как сердце колотится где-то у горла. Пальцы вцепились в одеяло. Воздух стал плотным, спёртым, и к запаху пыли примешался новый — сладковатый, влажный, как из сырого погреба.

Скрежет повторился. Громче. И к нему добавилось тихое, булькающее дыхание — прямо под ним, в сантиметрах от провисшей сетки.

Оно здесь.

Данил заставил себя дышать. Медленно. Рука скользнула под подушку и сжала холодный корпус фонарика. Нужно

проверить. Он знал, что нужно, даже если каждый инстинкт кричал об обратном.

Он резко сел — кровать отозвалась оглушительным скрипом. Дыхание внизу прервалось. Босые ступни коснулись ледяного линолеума. Он нажал кнопку.

Луч вспорол темноту, выхватив этажерку, закрытую дверь, нож на полу. А потом он направил свет под кровать.

Сначала была мука — белая, нетронутая. А потом, в самом углу, где тень была гуще, он увидел их. Два белёсых пятна. Они не отражали свет, а впитывали его, как промокашка. Глаза без зрачков, без век, два мутных сгустка нечеловеческого голода. Они смотрели прямо на него.

А следом — пальцы. Длинные, серые, с суставами, вывернутыми под невысказанными углами. Их было слишком много. Они скребли половицу, оставляя глубокие борозды. И когда свет полностью осветил их, пальцы замерли.

Тишина стала абсолютной.

Данил не мог пошевелиться. Крик застрял ледяным комом. Он смотрел в эти бельма, и в голове билась одна мысль, ясная, как сирена:

Оно знает, что я его вижу. И больше не прячется.

С животным воплем он рванулся обратно, вжался спиной в стену, подтянул колени к подбородку и направил дрожащий луч на щель между полом и покрывалом. Ни скрежета, ни дыхания. Но он знал — оно слушало. Ждало.

Он просидел так до рассвета, сжимая фонарик и нож. И

только когда серый свет затопил комнату, превратив монстров в обычную пыль, он смог пошевелиться.

Данил медленно перегнулся через край и заглянул вниз.

Под кроватью никого. Только мука, ровная по всей окружности. Ни единого следа.

Но на половицах, прямо под тем местом, где он лежал, темнели свежие борозды. Глубокие, с торчащими щепками. Он тронул их пальцем. Древесные волокна были влажными. И тёплыми.

Утро встретило его ватной тишиной. Данил первым делом посмотрел на пол. Белое кольцо муки лежало нетронутым.

Он шумно выдохнул, только сейчас осознав, что полночи дышал поверхностно, глотая спёртый воздух. Тело затекло. Свесив ноги, он поморщился — старая рана на лодыжке отозвалась тупой болью.

Сегодня нельзя просто ждать. Ночью тварь обозначила себя. Следующей — попробует на зуб.

Данил вышел в коридор, к телефону. Бежевый аппарат висел на стене немим укором. Он набрал номер матери.

Гудок. Ещё один. Длинные, тягучие, уходящие в никуда. Десять гудков — тишина. Он набрал отца. То же самое. Космическая пустота на том конце.

В груди заворочался липкий ком. Он набрал скорую — бесконечные гудки, а потом автомат оборвал связь. Данил

тихо положил трубку.

Никто не придёт.

Эта мысль раньше пряталась на периферии, а теперь впи-
лась, как клещ. Родители сгнули в своём притоне. Соседи
делали вид, что квартиры с номером «13» не существует. Он
был один. Один с тем, что поселилось под половицами.

Страх сдавил горло, но Данил задышал глубже. Паника —
это смерть. Если никто не придёт, значит, он встретит гостя
сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.